

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЯ США К ДОКТРИНЕ ХАЛЬШТЕЙНА (СЕРЕДИНА 50-х – СЕРЕДИНА 60-х гг. XX в.)

© Катерина Александровна БОРИСОВА

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация, аспирант, кафедра новой
и новейшей истории стран Европы и Америки,
e-mail: katerin.borisova@gmail.com

Рассмотрена эволюция восприятия внешней политики ФРГ в контексте доктрины Хальштейна американским руководством в период с середины 1950-х до середины 1960-х гг. Уделено внимание оценкам и мнениями исполнительных и законодательных органов власти США по данному вопросу, а также проанализировано непосредственное взаимодействие двух стран в свете ряда значимых международных событий. Сделано заключение, что формирование внешнеполитического курса США в отношении доктрины Хальштейна в середине 50-х – середине 60-х гг. был крайне противоречивым и сложным процессом. Однако с середины 60-х гг. тональность их отношений начинает меняться. В свете уроков Берлинского, а отчасти и Карибского кризиса стало очевидно, что бескомпромиссность, отсутствие диалога и эскалация подобного рода доктрин может привести к развязыванию мировой ядерной войны, что уже непосредственно затрагивало интересы безопасности самих Соединенных Штатов. Перед Вашингтоном стояла задача доказать мировому сообществу на примере Западной Германии эффективность «доктрины наведения мостов» через смену парадигмы отношений Восток–Запад. Перед руководством ФРГ ставилась задача окончательно отказаться от закостенелых конструкций доктрины Хальштейна, применив дифференцированный подход в отношении стран Социалистического блока повысить свою привлекательность в глазах восточных соседей.

Ключевые слова: эволюция; доктрина Хальштейна; доктрина «наведения мостов»; США; ФРГ.

В конце 1955 г. западногерманское руководство взяло на вооружение доктрину Хальштейна. Суть ее сводилась к тому, что Западная Германия не признавала существования ГДР как суверенного немецкого государства. Все страны, поддерживавшие отношения с ФРГ, в случае установления каких-либо контактов с ГДР объявлялись ненадежными партнерами. В результате Бонн разрывал все дипломатические связи с этими государствами. Исключением из этого «правила» являлись отношения ФРГ с СССР. (Основные направления этой доктрины были разработаны в 1955 г. В. Хальштейном и В. Греве (в прошлом члены НСДАП), занимавшими ключевые позиции в Министерстве иностранных дел Федеративной Республики Германии. Суть доктрины сводилась к тому, что установление третьими странами дипломатических отношений с ГДР рассматривалось Бонном как «недружелюбный акт» в отношении ФРГ и вело к разрыву отношений с этой страной. Исключение составляли дипломатические контакты с СССР в силу их международно-политической значимости. Таким образом, взаимоотношения ФРГ со странами Восточного блока обрели откровенно негативный окрас.)

В контексте этих событий большой интерес представляет анализ позиции США в отношении указанного внешнеполитического курса Бонна, ибо очевидно, что он оказывал в период с конца 1950-х гг. до середины 1960-х гг. серьезное воздействие на весь спектр взаимоотношений по линии «Восток – Запад». Несмотря на то, что США и ФРГ являлись союзниками по НАТО, в данном вопросе они подчас преследовали несовпадающие цели, которые формировались в русле их собственных государственных интересов. Прежде всего, это касалось Германской проблемы. Для ФРГ ее единственным приемлемым решением вплоть до середины 1960-х гг. оставалось объединение Германии под эгидой ФРГ любой ценой. Для США эта проблема была лишь частью более сложного комплекса вопросов, подчиненных единой цели – укреплению своих господствующих позиций в мире.

Для того чтобы дать объективную оценку действиям американского руководства в отношениях с западногерманским правительством на этом временном отрезке, необходимо понять, какое место ФРГ занимала в шкале американских внешнеполитических приоритетов, проанализировать, насколько интересы ФРГ укладывались в общую карти-

ну американского видения международной обстановки.

В свете ряда знаменательных событий второй половины 1950-х гг., прежде всего запуска первого советского спутника, Вашингтон, потеряв стратегическую неуязвимость, испытывал прямую необходимость модернизации своей военной доктрины массированного возмездия, не отвечавшей новым реалиям. В этих условиях постепенно зарождалась тенденция к стабилизации конкретного взаимодействия с социалистическими странами при сохранении статус-кво в мире [1]. Эта стратегия далеко не во всем коррелировала с основными постулатами доктрины Хальштейна, направленной на изоляцию стран Восточной блока.

Наметившаяся к концу 1950-х гг. трансформация внешнеполитического курса США происходила крайне медленно, что во многом обуславливалось острой внутривнутриполитической борьбой в правящих кругах этой страны, в ходе которой баланс сил внутри политической элиты стал смещаться в сторону либерализации. Так, в 1958 г. из конгресса США выбыли такие консервативные деятели республиканской партии и сторонники маккартизма, как У. Дженер, У. Ноулэнд, Дж. Бриккер. И, наоборот, туда пришли такие либерально настроенные политические деятели, как Харт, Хартке, Маски, которые, прежде всего, выступали за либерализацию внутренней политики страны. Резко укрепил свои позиции сенатор Дж. Кеннеди, который в 1960 г. добился выдвижения на пост кандидата в президенты США от Демократической партии. В 1960 г. в верхнюю палату конгресса также были включены такие деятели, как Пелл и Меткалф. Это в конечном счете привело к общему усилению либерального крыла Сената в начале 1960-х гг., что в дальнейшем оказало значительное влияние на формирование нового внешнеполитического курса [2, с. 107].

Вторая половина 1950-х гг. отличалась высокой степенью взаимопонимания США и ФРГ. ФРГ являлась важной опорой американской политики в Европе. Еще на этапе вступления ФРГ в НАТО США говорили о несостоятельности «оккупационного статуса» Западной Германии, необходимости его замены «добровольными договорами» [3, р. А208-А215]. Это объяснялось желанием Вашингтона развязать себе руки в области военного планирования, где территория ФРГ,

государства с особым стратегическим положением, имела приоритетное значение. В середине 1950-х гг. ФРГ стала обладательницей мощной технико-экономической базы, однако ее трансформация в военную державу тормозилась Потсдамскими и Парижскими обязательствами, односторонний отказ от которых мог бы послужить поводом для беспокойства не только со стороны стран социалистического блока, но и западноевропейских членов НАТО.

Противоречивость американского внешнеполитического курса нашла свое яркое отражение в берлинском вопросе, который был особенно болезненным узлом противоречий в отношениях двух германских государств. Споры о государственной принадлежности и правовом статусе западных секторов Берлина никак не вписывались в диалог о путях воссоединения страны [4, с. 76-121]. Этот вопрос был основополагающим во внешней политике ФРГ. Вашингтон опасался, что ФРГ, не найдя поддержки у своего атлантического партнера, начнет проводить курс на сближение с Францией, в то время как американо-французские отношения неуклонно осложнялись.

Несмотря на ряд попыток двух сверхдержав урегулировать Берлинский вопрос, найти формулу решения этой проблемы никак не удавалось. Безуспешными оказались и переговоры на высшем уровне в Кемп-Девиде, и совещание министров иностранных дел четырех держав в Женеве (11.05–20.06, 13.07–05.09. 1959 г.) с участием представителей ФРГ и ГДР.

Тем не менее, в Вашингтоне все чаще стали звучать призывы отойти от воинствующей риторики. Об этом говорили такие влиятельные деятели США, как Дж. Кеннан, Г. Хэмфри, У. Липпман [5, р. 27]. У. Фулбрайт, председатель сенатского комитета по иностранным делам, неоднократно заявлял о нецелесообразности поддержки реваншистских устремлений ФРГ к объединению Германии и ставил под сомнение позиции ФРГ как основного союзника США [6, vol. 105, р. А504, 7034, 10056, 17056, 23887].

Формирование последовательного внешнеполитического курса США осложнялось острым соперничеством исполнительной и законодательной ветвей власти. В конце 1950-х гг. инициатива здесь безусловно принадлежала исполнительной власти [7, с. 105]. Переписка госдепа США с руководством За-

падной Германии была преисполнена уверенности в необходимости наращивания военного присутствия США на территории ФРГ и форсированного вооружения бундесвера [6, vol. VII, 1994, p. 21005-21013]. Государственный секретарь Д.Ф. Далесс видел конечную цель этого взаимодействия в том, чтобы «Запад мог создать в Центральной Европе выдвинутый вперед стратегический плацдарм, который будет подрывать военные и политические позиции советского коммунизма» [8, p. 149].

Неудивительно, что в этих условиях Боннское правительство отказывалось от любых переговоров с правительством ГДР и упорно продолжало настаивать на осуществлении своего плана «немирного сосуществования» [9, 09.IX.1959].

В то же время дискуссия по поводу Берлинской проблемы среди правящих кругов США стала сводиться к тому, что ее решение по сценарию ФРГ может привести к обострению конфликта с СССР, когда решающую роль уже будут играть не абстрактное соотношение военного потенциала двух сверхдержав на разных континентах, а реальное присутствие американского и советского военного контингента в Европе и его боеспособность [9, 09.IX.1959]. Дж. Кеннеди, будущий президент США, в то время еще сенатор, уже тогда критиковал приверженность руководства США жесткому противостоянию с советским блоком. Будущее внешнеполитического курса США на Европейском континенте он видел в гибком решении возникающих там вопросов, с позиции «ожидания и надежд», т. е. готовности искать пути разрешения основных узлов противоречий мирными способами [10, с. 317-318]. В этом же духе высказывались и такие сенаторы, как У. Фулбрайт, М. Мэнсфилд, У. Морзе [6, vol. 104, p. 15092-15093, 27001 D771; vol. 105, p. A504, 7034, 10056, 17056, 23887, vol. 106, p. 8055, 8099].

«Германский вопрос» был для США крайне сложным не только в плане сохранения имиджа сверхдержавы, но и с точки зрения поддержания единства Североатлантического альянса. Ситуация для США осложнилась вследствие обострения обстановки в Юго-Восточной Азии и в зоне Карибского бассейна, где правительство революционной Кубы во главе с Ф. Кастро все больше сближалось с Советским Союзом. Таким образом, по словам западногерманского генерала фон

Темпельгофа, на рубеже двух десятилетий «уверенность в способности Соединенных Штатов одержать в будущем кризисе победу исключительно дипломатическими средствами явно пошатнулась» [11, p. 142].

Эти сомнения оказали определенное воздействие на предстоящие в ноябре 1960 г. выборы президента США, в результате которых кандидат от республиканской партии Р. Никсон потерпел поражение. Пост президента США занял молодой лидер демократов Дж. Кеннеди, представитель нового послевоенного поколения американских политиков. Еще в своей предвыборной платформе он акцентировал внимание избирателей на необходимости перемен и обновления политической повестки, подчеркивая стремление США двигаться в сторону «новых рубежей». Непопулярность внешней политики правительства Эйзенхауэра побудила главу новой демократической администрации разработать свою программу во внешней политике, которая должна была нести в себе новизну, большую долю миролюбия и стремления к смягчению ситуации в мире [10; 12]. В то же время в своей инаугурационной речи Кеннеди, помимо подтверждения своих предвыборных лозунгов, пообещал «верность истинных друзей» в отношении своих старых союзников, в частности Бонна, тем самым по сути высказав согласие с внешнеполитическим курсом Аденауэра [13].

Подобный диссонанс между «доктриной Хальштейна» и общим настроением «новых рубежей» был характерен для внешней политики Кеннеди вплоть до окончания Берлинского кризиса. Эта непоследовательность затронула и Капитолий. Сенатор Мэнсфилд в своем обращении к президенту сформулировал мнение части жестко настроенных сенаторов: «Мы идем по пути переговоров, но становится очевидно, что нам необходимы иные, более смелые пути решения этой проблемы, для того чтобы продолжить объединение Европы, предотвратить кризис в Германии и раскол Европы в целом, ведь именно от этого зависит возможность мирного существования» [6, vol. 106, p. 27015]. Не предлагая каких-либо конкретных путей решения Берлинского вопроса, позиция Мэнсфилда и ряда других сенаторов в достаточной мере совпадала с мнением исполнительной власти, официальным внешнеполитическим курсом США, а также с позицией таких видных политических деятелей, как бывший

госсекретарь Д. Ачесон, бывший президент Г. Трумэн, вице-президент Л. Джонсон [12, р. 63].

Столкнувшись с подобным единодушием политической элиты США, 28 июля 1961 г. Кеннеди решительно высказался за сохранение американских обязательств в отношении Западного Берлина, «невзирая на любую опасность», взяв тем самым курс на обострение обстановки вокруг Западного Берлина [3, vol. VII, 1994, р. 21005]. В этой связи не случайно в ходе встречи с Н.С. Хрущевым в Вене в начале июня 1961 г. Дж. Кеннеди, соглашаясь с необходимостью ограничить военную мощь ФРГ, заявил, что лучшим средством для этого будет сохранение в Западной Германии военного присутствия США на неопределенно долгий срок. А 3 августа 1961 г. Конгресс принял одно из «важнейших решений в истории Соединенных Штатов», одобрив выделение дополнительных средств на закупки вооружений, военной техники и призыв 250 тыс. резервистов, увеличив военный бюджет США с 43,8 млрд долл. (декабрь 1960 г.) до 51,64 млрд долл. [6, vol. 106, р. 27015]. Правительство ФРГ трактовало это решение как нежелание США уступать Советскому Союзу, что лишь укрепляло позиции сторонников доктрины Хальштейна.

Таким образом, на этом этапе оба союзника, преследуя разные конечные цели: ликвидацию ГДР и объединение Германии под эгидой ФРГ и укрепление американских позиций на границе с восточным блоком, были по-прежнему солидарны в методах их достижения. По логике руководства США, вышеизложенные намерения Вашингтона были единственным возможным способом поддержания статус-кво в Центральной Европе и сохранения принципа «мирного сосуществования». ФРГ же, считая себя единственной законной представительницей немецкой нации, заручившись поддержкой Вашингтона, откровенно преследовала лишь одну цель: реализацию доктрины Хальштейна и насильственного поглощения ГДР [14, № 100-13-61, 12.11.1961].

Стоит отметить, что понимание сложившегося правового статуса Западного Берлина у США и ФРГ было различно. После прекращения деятельности Контрольного Совета и Союзной комендатуры Большого Берлина, в 1949 г. исчезла не только правовая основа, но и фактически прекратил свое действие Протокол соглашения между правитель-

ствами СССР, США, Англии и Франции о зонах оккупации Германии от 26 мая 1945 г., юридически определявший правовой статус города вплоть до 1958 г. После 1958 г. за Западным Берлином де-юре закреплялось подчиненное положение по отношению к трехсторонней комендатуре США, Англии и Франции. Де-факто с 1949 г. город частично находился и в юрисдикции Федеративной Республики Германии, о чем свидетельствует Основной Закон ФРГ, вступивший в силу 23 мая 1949 г. В соответствии с его положениями, Западный Берлин рассматривался западногерманским правительством в качестве одной из земель ФРГ, а законодательство ФРГ в полном объеме распространялось на его территорию [15, S. 21]. Но сама конституция, как и другие федеральные законы ФРГ, не имела юридической и фактической силы на территории данного образования, если ее не вводила в действие Палата депутатов (парламент) Западного Берлина, осуществлявшая законодательную власть. Однако после того, как часть прав по Западному Берлину была передана в ведение ФРГ (речь идет о Заявлениях Западных держав от 7 марта 1951 г., 21 мая 1952 г., 5 мая 1955 г.), в частности Западная Германия представляла интересы Западного Берлина в международных договорах и соглашениях, Бонн окончательно стал позиционировать себя как полноправный представитель своей территории, отстаивая там свои государственные интересы. США же, будучи сверхдержавой, рассматривали данный анклав как подконтрольную себе территорию, отводя ФРГ лишь роль проводника своих интересов. Именно поэтому на этой стадии политическая активность США и ФРГ была крепко взаимоувязана, что наглядно проявлялось и в оперативном военном планировании. Свидетельством тому является поездка министра обороны ФРГ Ф. Штрауса в США в период с 31 июля по 1 августа 1961 г. Цель этого визита состояла в том, чтобы при разработке новых стратегических планов НАТО добиться оснащения бундесвера атомным оружием. Стоит отметить, что подобные требования Бонна годом ранее выглядели бы по меньшей мере реваншистскими. Но в условиях резкого обострения международной обстановки Вашингтон не исключал возможности развития этого диалога и создания в итоге коллективных ядерных сил НАТО. Подтверждением высшей степени солидарности дипломатии двух

стран явилось то, что в ходе беседы с Ф. Штраусом Дж. Кеннеди принял его тезис о необходимости США рассматривать дальнейшее развитие Берлинского кризиса как «внутригерманское» дело в рамках «локализованной» операции без угрозы всеобщей войны. По словам министра обороны ФРГ, в ближайшем будущем «следовало ожидать своего рода «гражданской войны» в Восточной Германии», что позволит безболезненно ликвидировать ГДР. Во время своего пребывания в США Ф. Штраус мог убедиться, что подобные проекты находят понимание и даже поддержку у ряда влиятельных политиков США, таких как вице-президент США Л. Джонсон, глава ЦРУ А. Даллес в Совете Национальной Безопасности, председатель Атлантического совета К. Гертер [14, № 09-3-61, 13.07.1962].

Возведение Берлинской стены подтолкнуло руководство США к необходимости определиться со своими приоритетами в отношении Берлинской проблемы. Так, сенатор Фулбрайт заявил о необходимости обновления внешнеполитического курса США в отношении ФРГ и поиске новых партнеров в Западной Европе и, что самое главное, призвал ФРГ принять де-факто существование двух немецких государств [6, vol. 107, p. 19083]. Это высказывание сенатора отразило мнение и госдепартамента США в свете первых уроков Берлинского кризиса [3, vol. VII, p. 792].

Кульминацией этого тренда стало заявление Дж. Кеннеди о том, что США готовы вести переговоры с СССР по берлинской и другим проблемам [3, vol. 110, p. 321-329]. В сентябре 1961 г. открылся советско-американский обмен мнениями по вопросам, связанным с германским мирным урегулированием. В сентябре советский министр иностранных дел А.А. Громыко встретился с государственным секретарем Д. Раском в Нью-Йорке. С января по март 1962 г. переговоры о дальнейшей судьбе и мирном урегулировании проблемы вокруг Западного Берлина велись в Москве с американским послом Л. Томпсоном и в Вашингтоне с советским послом А. Добрыниным. При этом американская сторона, представлявшая на этих переговорах западные страны, не исключала возможности заключения компромиссного соглашения, устраивавшего обе стороны [16, p. 123-130]. Так, специальный представитель Президента США Ч. Боулс заявил 16 января 1962 г. следующее: «Окончание Берлинского

кризиса трудно предвидеть. Для того чтобы снизить опасность прямого столкновения, необходимо новое соглашение, которое обеспечит будущее Западного Берлина» [17, 12.02.1962].

В конечном счете, по словам Т. Соренсона, советника президента Дж. Кеннеди, все согласились, что Стена была незаконным, аморальным и бесчеловечным делом, но и не поводом для войны. Она... не вторглась в сферу действия трех основных целей Соединенных Штатов: присутствие в Западном Берлине, доступ в Западный Берлин и право западных берлинцев избирать свою собственную систему... [18, p. 103]. Таким образом, в первые дни после возведения стены Вашингтону стала очевидна необходимость трансформации отношений с Бонном, однако пути развития этих взаимоотношений Вашингтону виделись крайне смутно в силу того, что ФРГ не желала отказываться от доктрины Хальштейна.

Несмотря на то, что в Бонне понимали невозможность проведения прежней бескомпромиссной «восточной политики» в полном объеме, альтернативы ей в тот момент у руководства ФРГ не было. Так, вице-канцлер ФРГ Л. Эрхард утверждал, что заключение, как он выразился, «сепаратного» мирного договора между Советским Союзом и другими странами и «Восточной Германией», т. е. с ГДР, ничего не изменит в правовом отношении. Он имел в виду, что мирный договор с ГДР не приведет к международно-правовому признанию второго германского государства и не аннулирует притязания ФРГ на исключительность их прав на ГДР и границы германского рейха 1937 г. [19, S. 470-473]. Неслучайно подобное заявление будущий канцлер сделал в США, тем самым он намеревался заручиться поддержкой Вашингтона, доказав жизнеспособность доктрины Хальштейна и после двух острейших международных кризисов. Именно эти кризисы, точнее их уроки продиктовали Вашингтону необходимость корректировки внешнеполитической парадигмы США. Весь комплекс западноевропейских отношений подвергся серьезной переоценке со стороны Вашингтона. Правительство Дж. Кеннеди стало высказываться за более конструктивный подход к переговорам с Советским Союзом, в т. ч. и по германской проблеме.

Не желая мириться с таким положением вещей, К. Аденауэр начал активно сотрудни-

чать с президентом Франции Ш. де Голлем. Но в итоге он лишь усугубил разногласия с Дж. Кеннеди. В ноябре 1962 г. К. Аденауэр отправился в США с целью сближения позиций двух стран по вопросам восточной политики, однако этот визит не принес никаких результатов. К. Аденауэр был вынужден вернуться на родину в срочном порядке из-за внутривосточного скандала, вошедшего в историю под названием «Афера Шпигеля». (Суть скандала сводилась к тому, что в журнале была опубликована статья, где сообщалось, что основные силы НАТО и ФРГ в случае серьезной опасности не смогут отразить удар противника. Основной фигурой скандала являлся один из основных авторов доктрины Хальштейна, министр обороны Ф. Штраус, который решил арестовать руководство «Шпигеля». В итоге он испытал сильнейшее давление со стороны СвДП, демонстративно подавшими в отставку, требуя правосудия в отношении Ф. Штрауса.) Эти события стали явным подтверждением заката «Эры Аденауэра» и необходимости его отставки. Однако этот процесс затянулся.

Еще одна попытка сближения США и ФРГ была предпринята в ходе визита Кеннеди в ФРГ в июне 1963 г. Одним из наиболее привлекательных западногерманских политиков для него в тот период стал В. Брандт, правящий бургомистр Западного Берлина. Он непосредственно сопровождал американского президента во время его визита в ФРГ. Президент находил с ним большое взаимопонимание в оценке отношений «Восток–Запад» как в ходе Берлинского кризиса, так и по его окончании. В ходе своего визита Дж. Кеннеди открыто заявил о дальнейшей стратегии США по поиску и реализации рациональных путей налаживания отношений между Западом и Востоком, что обозначало де-факто признание Вашингтоном существования двух немецких государств. Президент дал понять, что не видит реальных перспектив «воссоединения» Германии в ближайшем будущем. С точки зрения обновленной внешней политики Вашингтона, объединение Германии отныне могло бы стать логическим итогом кардинальных изменений в международных отношениях, но никак не служить ее причиной [6, vol. 9, p. 11877]. Этот тезис шел вразрез с основополагающей концепцией Бонна, что смягчение международной напряженности возможно только че-

рез объединение двух немецких государств под эгидой ФРГ [9, 17.V.1963].

Давая оценку этому визиту, В. Брандт отметил и тот факт, что, несмотря на уважительное отношение к К. Аденауэру, Дж. Кеннеди «был недоволен упрямством всезнаек от германской внешней политики. У него запечатлелось в памяти, что немецкая сторона практически не внесла никакого конструктивного вклада» в разрешение Германского вопроса, «капризно» рассматривая его исключительно в своих интересах, чем «подвергала мир серьезной опасности» [20, с. 75]. Нежелание канцлера менять свои закостенелые взгляды по отношению к своему восточногерманскому соседу предопределило закат «Эры Аденауэра» как с точки зрения мировой политики, так и с позиций сложившихся внутригерманских реалий начала 1960-х гг.

Стоит отметить, что подобное положение вещей закрепилось в сознании не только одного президента США, но и у значительной части политического истеблишмента этой страны. Так, влиятельный сенатор Д.-К. Джавитс на заседании сената в апреле 1963 г. высказался в пользу того, что политическая трансформация ФРГ неизбежна в современных условиях. Перед США в этой связи стоят две основополагающие задачи: прежде всего, необходимо нивелировать остроту напряженности в диалоге с Москвой по вопросу Западного Берлина, а также важно сохранить «Западную Германию в орбите своей внешней политики» [6, vol. 9, p. 6579].

После трагической гибели Дж. Кеннеди новая администрация в лице госсекретаря Д. Раска, министра обороны Р. Макнамары и ряда других видных политических деятелей сохранила преемственность его внешнеполитического курса. Однако, после того как республиканскую партию возглавил Б. Голдуотер, политик правоконсервативных взглядов, стало очевидно, что в Вашингтоне еще не сложился устойчивый политический консенсус по вопросу отношений «Восток – Запад». Несмотря на новые тенденции во внешней политике США в духе Дж. Кеннеди, привлекавшие к себе все большее внимание ряда крупных общественно-политических деятелей, таких как А. Шлезингер, У. Ростоу, У. Фулбрайт, Дж. Кеннан, истинные горизонты «новых рубежей» Кеннеди так и остались неизведанными, а на смену им пришла более умеренная, но не исключавшая воз-

возможность «разрядки», доктрина «наведения мостов» Л. Джонсона [21].

Впервые с момента возведения «стены» у ФРГ вновь появилась возможность маневрировать с целью изменить свои позиции в западном блоке и вернуть былой политический вес в глазах Вашингтона, который был несколько утрачен в связи с проводимой политикой К. Аденауэра. С приходом к власти нового канцлера Л. Эрхарда в 1963 г., стремление укрепить свои экономические и политические позиции на европейском континенте и в рамках НАТО вышло на первый план не только по Германской проблеме, но и по всему блоку проблем взаимоотношений ФРГ с восточными соседями. Немецкий историк К.-Р. Кроте отмечал, что с 1963 г. в германской политике ХДС началась «переходная фаза», неизбежная адаптация ФРГ к меняющемуся курсу США [22, S. 226].

На деятельность Л. Эрхарда оказывали влияние, прежде всего, новые приоритеты президента США Л. Джонсона в сфере внешней политики. В ходе визита нового канцлера в США летом 1964 г. была заметна сдержанность и особая тактичность Вашингтона. С одной стороны, руководство США не желало потакать идеям ушедшей «эпохи Аденауэра» по вопросу объединения Германии под эгидой ФРГ [14, № 100-5-63, 19.03.1963]. С другой стороны, перед Л. Джонсоном стояла задача приобщить своего западногерманского союзника к своей новой доктрине «наведения мостов», что подразумевало под собой установление контактов с отдельными странами Варшавского договора, которые способствовали бы в дальнейшем подрыву единства социалистического блока, что наносило сильный удар по доктрине Хальштейна, призывавшей ФРГ разрывать любые отношения с теми государствами, которые хотя бы начинали диалог с соцстранами [11]. Президент США настоятельно советовал западногерманскому руководству «не оставлять ноги в бетоне «холодной войны», говоря о том, что «наведение мостов» не только способствует объединению Германии, но и ускорит этот процесс [6, vol. 110, p. 10901].

Для администрации Л. Джонсона было крайне важно сохранить преемственность внешнеполитического курса своего предшественника. По словам А. Гарримана, посла США по особым поручениям, многие советники Л. Джонсона предлагали ему занять «выжидательную позицию и не принимать

серьезных решений в своей восточной дипломатии» [23, p. 67]. Этот совет и стал основной парадигмой всего правления Л. Джонсона.

Стоит отметить, что президент был склонен все больше полагаться на аппарат госдепартамента и министерства обороны, а не на сотрудников СНБ, усиливших свое влияние в разгар Берлинского кризиса [14, № 109-5-61, 9.03.1961]. Ключевые позиции при формировании внешней политики занимали госсекретарь Д. Раск и министр обороны Р. Макнамара.

Основными же сторонниками доктрины «наведения мостов» в законодательной ветви власти стали такие политические деятели, как У. Фулбрайт, Дж. Джавитс, Ф. Черч, М. Мэнсфилд. Они полагали, что ось Бонн – Вашингтон не сможет стать стержнем Североатлантического альянса и настаивали на том, что жесткая ориентация в «атлантических отношениях» на ФРГ спровоцирует недовольство других партнеров США по НАТО [6, vol. 110, p. 4966, 19476].

В условиях эскалации войны во Вьетнаме отношения США со странами Западной Европы стали носить второстепенный характер, центр международной напряженности сместился на периферию. «Германский вопрос» переставал быть зоной острого конфликта. Дискуссия по данному вопросу в Вашингтоне приобрела вялотекущий характер и в основном сводилась к обсуждению в рамках Конгресса [6, vol. 109, p. 6579, 24052, 11102; vol. 110, 1966, p. 2416, 19476, 11573; vol. 111, 1965, p. 8626, 12227, 20363, 20436].

Для того чтобы не остаться в изоляции и не утратить надежды на взаимопонимание с США, Л. Эрхарду нужно было подкрепить свои слова о необходимости преодоления раскола Германии мирным путем практическими шагами. Одним из политических деятелей, поддержавших идею «гибкости и эластичности восточной политики», был министр иностранных дел Г. Шредер, который выступал за налаживание прежде всего экономических связей со странами Восточной Европы, исключая, правда, ГДР. Под его руководством постепенно начался процесс установления контактов Западной Германии с социалистическими странами Восточной Европы. Был открыт ряд представительств ФРГ в Польше, Румынии, Венгрии и Болгарии. Канцлер предполагал, что в дальнейшем Западной Германии необходимо мирным путем

разрешить пограничный вопрос с Польшей, урегулировать отношения с ЧССР, отказавшись от каких-либо территориальных претензий к этим странам. А в 1965 г. Л. Эрхард изъявил пожелание обменяться мирными нотами об отказе применения силы с рядом восточноевропейских стран и СССР [24, S. 156-164].

К 1966 г. определенные подвижки во внешней политике ФРГ подтолкнули Вашингтон к поиску новых точек взаимодействия с ФРГ. Несмотря на громкие заявления ряда сенаторов, призывавших Белый дом не делать ставок на ФРГ как на основного партнера США в Европе, Вашингтон был вынужден идти на сближение с ФРГ [3, vol. XIII, p. 4905]. Крайняя заинтересованность США в укреплении своих позиций на европейском континенте и в структуре НАТО, особенно после выхода Франции в 1966 г. из военной организации альянса, способствовала тому, что в администрации Л. Джонсона стала разрастаться дискуссия о дальнейшей роли ФРГ в этом блоке [25, с. 69]. Сенатор Д. Джавитс так характеризовал перспективы для ФРГ: «роль Западной Германии будет крайне велика в свете наших сложных отношений с Францией, что приведет Бонн на влиятельнейшие позиции в альянсе..., если ФРГ сможет отойти от бескомпромиссности и устарелости взглядов по ряду ключевых вопросов мировой политики» [6, vol. 112, p. 12349]. Проблема, однако, заключалась в том, что Бонн не желал менять парадигму двух основополагающих вопросов своей внешней политики, касающихся будущего Германии и доступа ФРГ к ядерной кнопке.

Таким образом, середина 1960-х гг. стала напряженным периодом для двусторонних отношений США и ФРГ. Правительства двух стран стремились маневрировать между отстаиванием собственных государственных интересов, которые совпадали далеко не во всем, и сохранением выгодного и США и ФРГ единства западного блока. Стоит отметить, что в течение 1964–1966 гг. правительство ФРГ неоднократно обращалось к Вашингтону с предложением выступить в поддержку его политики в германском вопросе. Однако дальше совместных деклараций дело не шло. В этом плане характерна речь президента Л. Джонсона в 1966 г., в которой он заявил, что воссоединение Германии может произойти в результате длительного процесса разрядки в Европе. В частности он отме-

тил, что в отношениях между Западом и Востоком наметилось улучшение, что являлось необходимым «для того чтобы достичь воссоединения Германии в рамках большой, мирной процветающей Европы» [17, 24.11.1966]. Однако Бонн, выражая солидарность в отношении этой перспективы в ходе диалога с Вашингтоном, на деле не желал мириться с подобным положением вещей. Несмотря на миролюбивые внешнеполитические декларации Бонна, законодательные, судебные органы власти вплоть до конца 1960-х гг. продолжали придерживаться прежней линии. Так, в судебном решении от 1967 г. о налоге с оборота и компенсационных налогах имеется следующая формулировка: «За территорию государства в соответствии с настоящим решением принимается территория Германского рейха в границах на 31 декабря 1937 г.» [26, с. 45-49]. Эти территориальные претензии содержались и в принятых бундестагом законах, таких как закон о воздушном транспорте от 4 ноября 1968 г., закон об ущербе, понесенном в результате репараций от 12 февраля 1969 г., и ряде других документов [26, с. 51].

Окончательная же ревизия и полный отказ от установок доктрины Хальштейна были невозможны без обновления состава правящей коалиции Западной Германии. В обзорной директиве ЦРУ, посвященной деятельности канцлера Л. Эрхарда, указывалось, что «банкротство внешнеполитического курса канцлера сопровождается постепенной утратой экономического влияния ФРГ в Европе, что, в отличие от внешнеполитической нестабильности, неизбежно приведет немцев к смене своей парадигмы власти» [14, № 101-13-65Б 26.12.1965].

Осенью 1966 г. у США появилась возможность повлиять на внутривнутриполитический баланс сил в Бонне. Экономическая ситуация в ФРГ ухудшилась в связи с финансовым кризисом внутри страны. Разногласия по вопросам использования доктрины Хальштейна лишь подтвердили факт разобщенности бундестага. А после того, как федеральное правительство ФРГ отклонило требования Л. Джонсона закупить вооружение у США с целью стабилизации обменного курса, Л. Эрхард был вынужден уйти в отставку в связи с тем, что в стране начался сильный экономический спад.

Приход к власти К. Кизингера стал компромиссом между двумя различными груп-

пировками в правящем лагере Западной Германии и прежде всего внутри ХДС / ХСС.

Выступая в 1967 г. в Национальном клубе печати в Вашингтоне, канцлер К. Кизингер, коснувшись отношений с США, заявил: «Наши будущие отношения должны принять следующую форму: мы пытаемся создать в лице Европы друга и партнера для США, способного взять на себя, в значительной степени, ответственность за будущее континента, которая лежит сейчас на американцах. Конечно, это сложный путь, и пойдем мы по этому пути дружно с США» [27, S. 351].

Таким образом, можно сказать, что с 1966 г. новое правительство К. Кизингера – В. Брандта, приняв решение действовать в фарватере внешней политики США, окончательно отказывается от установок доктрины Хальштейна в качестве государственной идеологии, постепенно начав переход к «новой восточной политике» министра иностранных дел и вице-канцлера ФРГ В. Брандта, который с приходом к власти в 1969 г. начнет этап ее активной реализации. Кабинет «Большой коалиции» в ФРГ, будучи солидарным с администрацией Л. Джонсона, стал придерживаться парадигмы, что в сложившихся условиях прежние доктрины «мертвы», и для реализации заветной цели всего немецкого народа – объединения Германии – «требуется поиск новых, более гибких позиций» [28, с. 201].

Подводя итоги, отметим, что эволюция восприятия США доктрины Хальштейна была крайне сложным и неоднородным процессом, который уходит своими корнями еще в конец 1950-х гг., когда США теряют свою стратегическую неуязвимость. Изменение соотношения сил в политической элите США в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в пользу либералов сильно сказалось как на риторике США, так отчасти и на реальных взаимоотношениях с правительством К. Аденауэра. Доктрина Хальштейна стала казаться Вашингтону чрезмерно агрессивной и рискованной, остаточным явлением начальной фазы холодной войны.

В свете уроков Берлинского, а отчасти и Карибского кризисов стало очевидно, что бескомпромиссность, отсутствие диалога и эскалация подобного рода доктрин может привести к развязыванию мировой ядерной войны, что уже непосредственно затрагивало интересы безопасности самих США.

Помимо этого, развязывание войны во Вьетнаме заметно расширило зону нестабильности вокруг США. Это продиктовало Вашингтону необходимость стабилизации ситуации в Западной Европе. Укрепление отношений с ФРГ стало для Вашингтона важной задачей в западноевропейском регионе. Ставка на Бонн в вопросах укрепления НАТО объяснялась как экономическим потенциалом ФРГ, который был значительно выше, чем у Франции, отношения с которой неуклонно обострялись, так и тем, что в середине 1960-х гг. происходят подвижки в правящей элите ФРГ.

В Бонне появляются новые альтернативные силы, с которыми Вашингтон начинает вести диалог в духе доктрины «наведения мостов», взятой на вооружение США в 1963 г. Руководство США отчетливо понимало, что если ФРГ будет продолжать свою восточную политику, опираясь на доктрину Хальштейна, это лишь спровоцирует дальнейшую консолидацию Восточного блока вокруг СССР, что противоречило самому замыслу американской доктрины, которая была направлена, прежде всего, на постепенную дестабилизацию Восточного блока.

Таким образом, в середине 1960-х гг. перед Вашингтоном стояла задача доказать мировому сообществу на примере Западной Германии эффективность «доктрины наведения мостов», через смену парадигмы отношений Запад – Восток. Перед руководством ФРГ ставилась задача окончательно отказаться от закостенелых конструкций доктрины Хальштейна, применив дифференцированный подход в отношении стран Социалистического блока, тем самым повышая свою привлекательность в глазах восточных соседей.

-
1. Манькин А.С., Печатнов В.О. История внешней политики США. М., 2012.
  2. Савельев В.А. США: сенат и политики. М., 1976.
  3. Foreign Relations of the United States (FRUS), Washington // West Europe Region. 1995.
  4. Конституция и законодательные акты Германской Демократической Республики. М., 1953.
  5. Fullbright J.W. Prospects for the West. Cambridge, 1963.
  6. Congressional record. US Congress, US GPO. Washington, 1966. Vol. 104–112.

7. *Савельев В.А.* США: сенат и политики. М., 1976.
  8. *Dulles J.F.* War or peace. N. Y., 1950.
  9. Bulletin des Press-Informationsamtes der Bundesregierung. 1959.
  10. *Печатнов В.О.* От Джефферсона до Клинтона: демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.
  11. *Roberts H.L.* Foreign Affairs // Foreign policy: the next Phase. Berlin, 1961.
  12. *Hangen W.* Kennedy Khrushchev, and the Most dangerous place on Earth // New Perspectives behind the Wall. Berlin, 1966.
  13. Инаугурационная речь Д.Ф. Кеннеди 20 января 1960 г. // Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. URL: www.jfklibrary.org (дата обращения: 12.05.2014).
  14. Special National Intelligence estimate. URL: <http://www.foia.cia.gov> (accessed: 19.03.2014).
  15. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 1994. Bonn, 1994.
  16. *Diefendorf J.M.* American policy and the reconstruction of West Germany, 1945–1955. Washington, 1993.
  17. The Department of State Bulletin. Washington, 1962.
  18. *Sorensen T.C.* The Kennedy legacy. L., 1970.
  19. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bonn, 1962.
  20. *Брандт В.* Воспоминания. М., 1996.
  21. *Арбатов А.Г.* Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.
  22. *Kleinmann H.-O.* Geschichte der CDU: 1945–1982. Stuttgart, 1993.
  23. *Harriman W.A.* America and Russia in a changing world: A half century of personal observation. N. Y., 1971.
  24. *Brandt W.* Mit Herz und Hand. Ein Mann in der Bewahrung. Hannover, 1970.
  25. *Пилько А.В.* «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1965–1966). М., 2007.
  26. *Бакирова Г.Я.* Международно-правовые аспекты объединения Германии. Казань, 2000.
  27. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAP) 1967. München, 1998.
  28. *Давыдов В.Ф., Обременко Т.В., Уткин А.И.* США и западноевропейские «центры силы». М., 1978.
-
1. *Manykin A.S., Pechatnov V.O.* Istoriya vneshney politiki SShA. M., 2012.
  2. *Savel'ev V.A.* SShA: senat i politiki. M., 1976.
  3. Foreign Relations of the United States (FRUS), Washington // West Europe Region. 1995.
4. Konstitutsiya i zakonodatel'nye akty Germanskoy Demokraticheskoy Respubliki. M., 1953.
  5. *Fullbright J.W.* Prospects for the West. Cambridge, 1963.
  6. Congressional record. US Congress, US GPO. Washington, 1966. Vol. 104–112.
  7. *Savel'ev V.A.* SShA: senat i politiki. M., 1976.
  8. *Dulles J.F.* War or peace. N. Y., 1950.
  9. Bulletin des Press-Informationsamtes der Bundesregierung. 1959.
  10. *Pechatnov V.O.* Ot Dzhеffersona do Klintonа: demokraticheskaya partiya SShA v bor'be za izbiratelya. M., 2008.
  11. *Roberts H.L.* Foreign Affairs // Foreign policy: the next Phase. Berlin, 1961.
  12. *Hangen W.* Kennedy Khrushchev, and the Most dangerous place on Earth // New Perspectives behind the Wall. Berlin, 1966.
  13. Inauguratsionnaya rech' D.F. Kennedi 20 yanvarya 1960 g. // Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files. URL: www.jfklibrary.org (data obrashcheniya: 12.05.2014).
  14. Special National Intelligence estimate. URL: <http://www.foia.cia.gov> (accessed: 19.03.2014).
  15. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 1994. Bonn, 1994.
  16. *Diefendorf J.M.* American policy and the reconstruction of West Germany, 1945–1955. Washington, 1993.
  17. The Department of State Bulletin. Washington, 1962.
  18. *Sorensen T.C.* The Kennedy legacy. L., 1970.
  19. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bonn, 1962.
  20. *Brandt V.* Vospominaniya. M., 1996.
  21. *Arbatov A.G.* Voenno-strategicheskii paritet i politika SShA. M., 1984.
  22. *Kleinmann H.-O.* Geschichte der CDU: 1945–1982. Stuttgart, 1993.
  23. *Harriman W.A.* America and Russia in a changing world: A half century of personal observation. N. Y., 1971.
  24. *Brandt W.* Mit Herz und Hand. Ein Mann in der Bewahrung. Hannover, 1970.
  25. *Pil'ko A.V.* “Krizis doveriya” v NATO: al'yans na poroge peremen (1965–1966). M., 2007.
  26. *Bakirova G.Ya.* Mezhdunarodno-pravovye aspekty ob"edineniya Germanii. Kazan', 2000.
  27. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAP) 1967. München, 1998.
  28. *Davydov V.F., Obremenko T.V., Utkin A.I.* SShA i zapadnoevropeyskie “tsentry sily”. M., 1978.

Поступила в редакцию 9.06.2014 г.

Katerina Aleksandrovna BORISIVA, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Post-graduate Student, New and Newest History of Europe and America Countries Department, e-mail: katerin.borisova@gmail.com

The evolution of the perception of the foreign policy of Germany in the context of the doctrine of Hallstein American leadership in the period from the mid-1950s until the mid-1960s is considered. The author focuses on estimates and opinions of the executive and legislative bodies of the United States on this issue, as well as analyzes the direct interaction between the two countries in the light of a number of important international events. The author concludes that the formation of foreign policy of the United States with regard to the doctrine of Hallstein in the mid-1950s – mid-1960s was highly controversial and complex process interactions between countries. However, since the mid-1960s tone of their relationship begins to change in the relationship. In light of the lessons of Berlin, and partly the Cuban missile crisis, it became clear that the refusal to compromise, the lack of dialogue and the escalation of such doctrines can lead to the outbreak of the global nuclear war that has directly affect the security interests of the United States. Before Washington had the task to prove to the world community as an example of West Germany effectiveness of the doctrine of “building bridges” through a paradigm shift, East–West relations. The leadership of the German task was to finally abandon the ossified structures Hallstein doctrine, applying a differentiated approach towards the countries of the Socialist bloc to boost its appeal in the eyes of the neighbors to the east.

Key words: evolution; Hallstein Doctrine; doctrine of “building bridges”; USA; Germany.